

УДК 911:33(470)+553.9

Б.Н. Лузгин

Природные ресурсы России и структура их товарного использования

Ключевые слова: природные ресурсы, товары, экспорт, импорт, внутреннее потребление, разбалансированность структуры ресурсных комплексов.
Key words: Natural resources, commodity, export, import, home consumption, disbalance of structure resources complex.

Экономика, по одному из определений, – это наука об эффективном распределении ресурсов при их общей ограниченности [1]. Но для стран с доминированием сырьевой экономики, устремленных к переходу в статус развитых государств, использование природных ресурсов – чуть ли не единственная возможность осуществить это намерение. История показывает, что это удается далеко не всем и не всегда.

Минеральные богатства страны могут быть благословением и проклятием на пути подобного развития. При определенных сочетаниях обстоятельств и характера управления экспорт от продажи сырья может обеспечить валютные поступления в бюджет и рациональное распределение рентных доходов. И кроме того, снабжение своей промышленности собственным сырьем и топливом стимулирует индустриализацию путем налаживания все более глубокой и полной обработки и переработки сырья. Это способствует оживлению и ускорению всего, что связано с использованием продукции горнодобывающей и другой промышленности.

Но все это – возможности, которые, к сожалению, могут быть и упущены. Так было с Мексикой конца 1970-х гг. Так и Боливия, несмотря на полтора десятка лет получения высоких экспортных доходов, не сумела подготовиться к резкому падению цен на сырье и вошла в глубокий кризис в середине 80-х гг. прошлого столетия. Нефтяной бум в Нигерии, пришедшийся на 70–80-е гг. XX в., негативно повлиял на экспортный сектор сельского хозяйства и превратил страну в нетто-импортера продовольствия. И во время нового повышения цен на сырье в 1979–1981 гг. валютные поступления вновь были истрачены на амбициозные проекты, возведение новой столицы, неизбежные расчеты за рост продовольственного и потребительского товарного импорта и обогащение властных структур. Все это привело к росту внешнего долга государства.

По существу это разновидность «голландской болезни» – неумение или нежелания с пользой для страны и народа распорядиться доходами от экспорта природных ресурсов. В случае бесконтрольного укрепления национальной валюты это ведет к вытес-

нению малопривлекательных из-за отсутствия высокотехнологичных производств по их выпуску товаров обрабатывающей и перерабатывающей промышленности более современными или привлекательными импортными, а следовательно, – к падению собственного промышленного производства и собственного сельского хозяйства.

В этих случаях проблема диверсификации статей экспорта – одна из ключевых, ее решение позволяет снизить долевое участие более примитивных сырьевых товаров за счет национальной, все более конкурентноспособной продукции их обработки и переработки.

В таких странах, как Австралия, Канада, Финляндия, Норвегия, Малайзия, Ботсвана, «хорошему» правительству удалось обеспечить благоприятное сочетание ренты и сбалансированной диверсии при взвешенной финансовой и социально ориентированной экономической политике и выйти из состояния прежней отсталости.

Огромную роль в потенциальном развитии экономики играют минерально-сырьевые ресурсы каждого государства и присущая ряду высокоразвитых стран политика импорта высококачественного стратегического сырья при экономном изъятии собственных ценных ресурсов.

Китай, занимая первые места в мире по производству и потреблению стали, угля и железной руды, ввозит богатые железные руды из Бразилии и Австралии до 10% от объема мирового импорта. Достигнув 3-го места в мире по производству первичного алюминия и 2-го по его потреблению в рафинированном виде, Китай увеличивает добычу собственных бокситов и производство глинозема (в 1,5–2,5 раза) и одновременно в значительных количествах импортирует глинозем, необработанный алюминий и алюминиевый лом. Аналогична его позиция в отношении главного цветного металла – меди, производство которой находится на 4-м месте в мире, а потребление занимает вторую строку, что обеспечивается отчасти и импортом этого металла.

Не менее активна позиция этой страны и по экспорту минерального сырья. Так, при росте производства и потребления свинца (2-е место в мире) Китай вышел на первую позицию по его экспорту. Являясь мировым лидером по производству чушкового цинка и занимая 2-е место по потреблению этого металла, страна экспортирует более половины производимого

регенерированного цинка. Обеспечивая 85% производства вольфрамового концентрата, при крупном внутреннем его потреблении Китай поставляет на экспорт преобладающую долю самых различных его соединений. Близка обстановка и по молибдену. Производя 20–25% мировых концентратов этого важнейшего легирующего металла и широко потребляя его внутри страны (3-е место по обеим позициям), Китай в значительных количествах экспортирует эту продукцию. Он является также мировым лидером в производстве и экспорте некоторых других редких и практически большинства всех редкоземельных металлов при крупных масштабах их внутреннего потребления.

Поскольку широта использования ассортимента металлов является объективным критерием технической и технологической мощи страны, выход Китая на самые передовые рубежи среди развитых стран при продолжении указанной сырьевой политики не вызывает сомнений. Даже сам перечень занимаемых позиций Китая по производству, потреблению, импорту и экспорту металлов убедительно свидетельствует о том, что стратегия этой страны по затронутым проблемам глубоко продумана, выдержана и эффективна. Здесь внутреннее потребление всех добываемых ресурсов значительно превышает экспортные характеристики. И в этом же направлении стремится развиваться ближайший сосед Китая – Индия.

Какова же экономическая роль проводимой в России политики в отношении импортно-экспортных потоков товаров природных ресурсов по их главным позициям?

Рассмотрим вначале *топливно-энергетический комплекс*.

По сравнению с мировым потреблением топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) в мире в 2000 г. в России было вдвое выше потребление природного

газа (соответственно 23,8 и 47,8%), вдвое ниже угля (26,2 и 12,5%), от 5 до 10% ниже использование нефти (40,0 и 32,8%), ядерной и других видов энергии (10,0 и 6,9%). За предшествующие 10 лет произошло снижение добычи газа до 10,5% (652 млрд м³ в 1990 г. и 583,7 млрд м³ в 2000 г.), нефти – до 17,5% (570 и 470 млн т соответственно), а в промежутке между этими датами спад добычи нефти доходил до 49,1% (280 млн т), угля – 64,5%.

Общее состояние ресурсов данной отрасли (и объемы экспорта) отражено в таблице 1.

Из таблицы видно, что, располагаясь на 1–3-м местах в мире по разведанным запасам газа, нефти и угля и занимая 2–5-е позиции по их добыче, Россия становится абсолютным лидером по экспорту всех топливно-энергетических ресурсов (кроме каменного угля), значительно превышая средние экспортно-импортные соотношения. Особенно парадоксальна позиция по урану. Обладая низкими прогнозными ресурсами по данному виду сырья, даже уступающими достоверным запасам, при низком его качестве (0,01–0,3%) страна занимала и занимает 1-е место в мире по экспорту, правда, заплатив за это не только общей накопленной добычей всего СССР, но и частью фондов своих стратегических запасов [2]. Так, крупнейшие поставки на мировой рынок уранового сырья, накопленного за длительный период атомного комплекса Союза, привели к невосполнимым за счет внутренних резервов потерям [3].

Воспроизводство всех видов ископаемого сырья по отношению к добыче из-за отставания в производстве геолого-разведочных работ едва составило 40–45% [4].

Металлургический комплекс, занимающий 2-е место после ТЭР, представлен минерально-сырьевыми ресурсами, обеспечивающими черную, цветную, редкометалльную и благороднометалльную промышлен-

Таблица 1

Состояние топливно-энергетических ресурсов России, % от мировых показателей

Виды ресурсов	Нефть	Природный газ	Уголь	Уран
Прогнозные ресурсы	13,0	32,3	17,4	4,8
Промышленные запасы	4,7 – II место	31,2 – I место	10,3 – III место	5,3
Добыча (производство)	8,8	25,1	5,4	7,5
Внутреннее потребление	4,1	16,8	4,8	3,1
Экспорт (% от производства)	59,6 – II место	33,4 – I место	15,2	620 – I место
Объем мирового экспорта, %	57,0	>30,0	>15,0	600
Внутреннее потребление (% от внутреннего производства)	49,0	26,7	60,0	
Потребление на 1 чел., кг: в развитых странах	2,210	1,475	2,140	0,059
в России	0,900	2,750	1,620	0,021

Источники: [2; 38–41].

Таблица 2

Состояние минерально-сырьевых ресурсов черной металлургии России, % от мировых показателей

Виды ресурсов	Fe руды	Чугун	Сталь	Mn руды	Cr руды	Ti руды
Прогнозные ресурсы	28,5				9,6	21,0 II место
Промышленные запасы	26,6			2,7-5,2	0,12-1,5	0,1
Добыча (производство)	8,7	7,8 – IV место	7,1 – IV место	0,3	7,1	0,9
Внутреннее потребление	7,4		2,4	7,8	4,9	0,0
Экспорт (% от производства)	22,1		65-70	3,0-5,5	I место	I место
Объем мирового экспорта, %	43,4					
Внутреннее потребление (% от внутреннего производства)	85,0			42,0	50,0	0,0
Потребление на 1 чел., кг:						
в развитых странах	465,000		358,00	14,700	8,580	4,000
в России	416,000		121,000	10,200	3,800	0,250

Источники: [4; 6; 34; 42-49].

ности. Общий металлический фонд общественного производства мира составляет около 7,5 млрд т [5].

Важнейшими металлами *черной металлургии* являются железо и его производные – чугун и сталь, а также марганец, хром и титан. Состояние их ресурсов отражено в таблице 2. По существу в России относительно благополучно лишь с сырьем их товарных руд. По добыче страна занимает 4-е место в мире, по подушному потреблению наблюдается значительное отставание от развитых стран. Но это никак не сказывается на устойчивом росте экспорта от товарных руд до исходного продукта большинства конструкционных материалов, включая сталь.

По таким важнейшим черным металлам, как марганец, хром и титан, запасы руд, кроме последнего элемента (2-е место в мире), очень невелики. Внутреннее потребление составляет: 69,4% мирового для марганцевых, 44,3% для хромитовых и 6,2% для титановых руд.

При запасах хромитовых руд, соответствующих 2-4-му местам в мире, производство хрома не превышает 7,1% от среднемирового, зато экспорт является наиболее крупным в мире (1-е место). Еще парадоксальнее ситуация по титану: 2-е место в мире по запасам, чрезвычайно низкая собственная добыча (0,1% от мировой), абсолютная непоставка продукции для внутренних нужд и 1-е место по экспорту в мире. Импорт же отвечает 2-му месту среди всех стран, и налицо полная зависимость от поставок руды из Украины [6].

Еще более ярко экспортная направленность сырьевой экономики России по отношению к минеральным ресурсам прослеживается в такой важнейшей технологической отрасли, как *цветная металлургия* (табл. 3). Производство цветных металлов занимает 5-е место в мире (6,8% от суммарного мирового производства), но экспорт достигает 16,1% от их стоимости.

Таблица 3

Состояние минерально-сырьевых ресурсов цветной металлургии России, % от мировых показателей

Виды ресурсов	Al	Cu	Pb	Zn	Ni
Промышленные запасы	1,1 – б.	5,0	10,6	12,7	25,0 – I место
Добыча (производство)	15,2	3,3	0,9	1,9	22,3
Внутреннее потребление	1,1	1,4	1,8	1,7	4,5
Экспорт (% от производства)	98,6	76,2		48,4	79,8
Объем мирового экспорта, %					
Внутреннее потребление (% от внутреннего производства)	7,2	24,7	0,0	59,6	
Потребление на 1 чел., кг:					
в развитых странах	17,770	11,670	4,180	5,300	1,060
в России	1,6500	1,4400	0,7600	0,9800	0,3400

б. – бокситы

Источники: [2; 50-55].

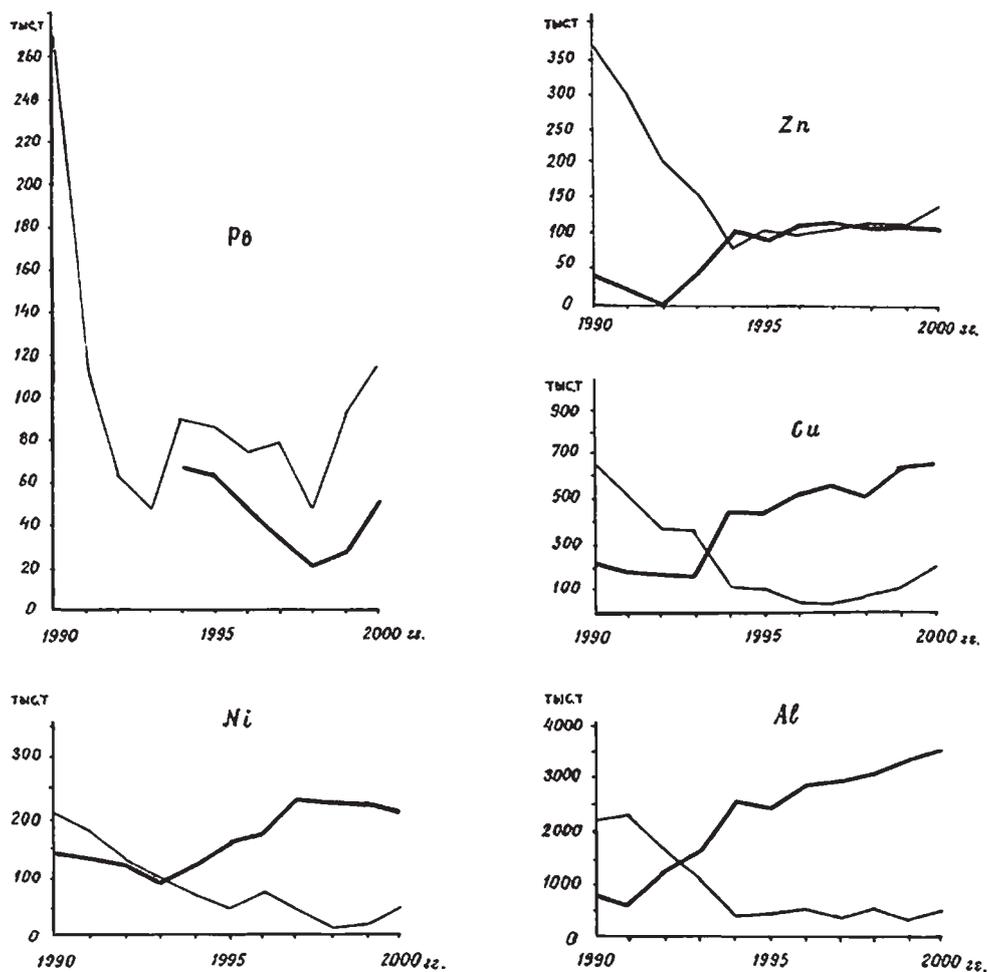
На долю алюминия в балансе цветных и редких металлов приходится свыше 49%. Основной рудой алюминия в мире, наиболее эффективной и экономически выгодной, являются бокситы. В России нет месторождений бокситов сопоставимых по масштабам и качеству со средними зарубежными. И даже прогнозные ресурсы их всего в 5 раз превышают скромные разведанные запасы страны. Тем парадоксальнее ситуация по производству металла: в основном перерабатывается толлинговое сырье, за счет которого страна занимает 1-е место в мире по его экспорту.

По меди, производство и потребление которой стоят на 2-м месте после алюминия, запасы России отвечают 3-му месту в мире, но по ее производству страна находится на 7-м месте, по экспорту же – опять на 2-м. Запасы свинца и цинка отвечают 3–6-й позициям, по добыче свинца это 2-е место. Но практически весь произведенный свинец и часть цинка идут на экспорт в Японию и Южную Корею.

Никель, являющийся самым дорогим цветным металлом, по российским запасам составляет четвертую часть мировых и, естественно, занимает 1-е место в мировой

иерархии. И по экспорту никеля страна относится к мировым лидерам. Исключительно велика в этом роль группы Норильских месторождений. По совокупной стоимости они занимают 2-е место в мире после Витватерсранда – богатейшего рудного поля ЮАР.

Относительное распределение экспорта и внутреннего потребления цветных металлов в России принципиально однотипно, хотя и различается. Для большинства из них характерно инвертированное (пересечение линий внутреннего потребления и экспорта) соотношение между экспортом и потреблением, приходившимися на 1992–1994 гг., после чего внутреннее потребление металлов в стране резко падало, устанавливаясь на самых минимальных отметках (см. рисунок). Исключением из этой закономерности являются графики, первый из которых характеризует использование металлического цинка – с примерно равным отношением экспорта и внутреннего потребления, а второй – свинца, для которого видимое внутреннее потребление после 1993 г. превышает соответствующий экспорт. Но в этом случае показанное на диаграмме соотношение, передающее официальные статистические данные,

Динамика соотношения экспорта и внутреннего потребления основных цветных металлов в России: свинца (Pb), цинка (Zn), меди (Cu), никеля (Ni) и алюминия (Al) (по данным [7])
Экспорт – полужирные линии, видимое внутреннее потребление – тонкие

вряд ли отражает объективную ситуацию, принимая во внимание неучтенные теневые потоки по вывозу цветных металлов из страны.

Экспортируются также сурьма и ртуть. Вместе с тем к постоянным статьям импорта принадлежат тантал и ниобий (по запасам которых Россия находится на 1–2-м местах), литий, бериллий, рений, циркон и другие. Причем в стране совершенно нет запасов рения, а по редкоземельным металлам иттриевой группы отсутствуют производства.

Крайне бессистемная экспортная позиция по отношению к минерально-сырьевым ресурсам характерна для *редких металлов*. По наиболее традиционным из них (молибдену, вольфраму, олову) с крупными, но низкокачественными запасами остродефицитного стратегического сырья (3–4-е места) Россия из импортера превратилась в экспортера [2; 7]. По вольфраму и молибдену экспорт на 18–20% превышает объемы их внутреннего производства с беспрецедентным расходом государственных резервов в 1990-е гг., в то же время внутреннее потребление составляет 14,5% от производства в стране молибдена и 36,6% – вольфрама. Душевое потребление предельно низкое: 60–7,5 г по молибдену и вольфраму, 30 г по олову (против 130–180 г в развитых странах).

По вольфраму прогнозные ресурсы вдвое ниже разведанных запасов. Россия, по мнению М.Ф. Комина и Т.Ю. Усовой [8], в самое ближайшее время может стать объектом экспансии транснациональных корпораций соответствующего профилирования.

По добыче и использованию *благородных металлов* в мире сложилась устойчивая тенденция роста потребностей. За 12 лет удвоилось производство золота [2]. В России же, наоборот, оно сократилось на 6,5%, а по серебру произошел двойной спад. Занимая 2–3-е места по запасам важнейших благородных металлов, Россия, по крайней мере по открытой статистике, сместилась на 7-е место по производству золота (142,74 т за 2000 г.), оно составляет 6,9 доли в мировой добыче, и на 10-е место по серебру [9]. Лишь по металлам платиновой группы (МПГ) она занимает 1-е место, их производство в России составляет 51,0% от мирового производства, страна является фактическим монополистом по наиболее дорогому из них – палладию.

При общем экспорте–импорте золота в 4,7–6,0 тыс. т и серебра 31–56 тыс. т экспорт России по золоту составляет более 150 т, по платине является вторым в мире, по палладию – первым. Зато по внутреннему потреблению золота доля России в мире менее 0,8, по МПГ – 6,4.

Показательно, что вся минерально-сырьевая база МПГ относится к распределенному фонду, а по золоту было лицензировано 71,4% запасов (до 86,5% рентабельных). Оработка МПГ ориентирована исключительно на сверхбогатые руды, и уже даже хвостохранилище Норильской обогатительной фабрики

само по себе является уникальным месторождением металлов платиновой группы.

Золотой запас на душу населения у нас составляет около 3 г (в США 32 г), душевое потребление золота – 0,1 г (на Среднем Востоке 12 г, в Европе 6 г) [10].

Для *алмазной промышленности* характерны те же особенности добычи и производства, что и для благородных металлов. Занимая 1-е место по запасам и 2-е по добыче в мире, алмазный комплекс России отличается почти исключительно экспортной направленностью, с объемом внутреннего ювелирного рынка менее 1% от мирового [2; 11].

При этом, естественно, следует иметь в виду высокую криминальность этих валютных отраслей минерально-сырьевой промышленности, с очень высокой долей серой и черной закрытых экономик.

В настоящее время показателем социально-экономического уровня становится степень повышения потребления *неметаллического минерального сырья*, в связи с чем значительно сокращается производство металлов (в США к 2000 г. оно снизилось на 30%). Недостаточное внимание к неметаллам в России привело к тому, что в нашей стране «... для устойчивого развития металлургического, машиностроительного, топливно-энергетического, химико-лесного и других комплексов, создания материалов для высоких технологий нет ни в качественном, ни в количественном отношении необходимой МСБ барита, щелочных бентонитов, кристаллического графита, каолинов, кускового плавленого шпата, асбестов специального назначения» [12, с. 5; 13]. Отсюда вынужденный импорт целого ряда сырьевых товаров. «В настоящее время экономика России (с позиции ряда важнейших видов неметаллов) оказалась в критической зависимости и перед угрозой свертывания внутреннего рынка; с одной стороны, от превышения 50%-ного порога доли экспорта от внутреннего производства (калийные соли, апатит, асбест), с другой – от крайне высоких транспортных издержек, а также почти полной зависимости рынка (на 60–90%) от импорта по ряду неметаллов» [14, с. 53]. К ним отнесены щелочные бентониты, барит, элювиальный каолин, кристаллический графит, кусковой, в том числе электродный, флюорит и др.

Вместе с тем в России имеются все предпосылки для создания нетрадиционных для страны, высоколиквидных на мировом рынке видов сырья, включая природные минеральные сорбенты, так необходимые в связи с возрастанием роли решения целого ряда экологических проблем [15]. Современная миссия США и Канады как поставщиков неметаллической продукции может быть с успехом разделена и Россией.

Минеральное сырье *агрохимического комплекса* в сельском хозяйстве России используется в крайне малых объемах. На каждый гектар земель вносится около 11 кг минеральных удобрений вместо научно обоснованной нормы в 80–100 кг [16].

Мировые запасы фосфоритов составляют 57817,4 млн т P_2O_5 [17].

Россия входит в первую десятку стран, обладающих существенным фосфатно-сырьевым потенциалом, правда, невысокого качества (11,2% P_2O_5 против 25–35% в аналогичных месторождениях зарубежья). Но по высококачественным апатитам, составляющим порядка 15% всех фосудобрений, она является мировым лидером [18; 19]. В целом же 60% российского фосфатно-ресурсного потенциала относится к пассивному типу.

Потребности в этом виде агрохимического сырья растут в мире на 8–9% в год. И более 40% апатитовых концентратов и 85% минеральных удобрений составляют статьи экспорта. В России экспорт апатитовых концентратов превышает 85%. Потребности же внутреннего рынка не удовлетворяются, так как заводы минеральных удобрений работают на страны-импортеры. В связи с этим убытки от падения урожайности из-за неудобряемых полей в 2–2,5 раза больше выручки от экспорта.

По прогнозным ресурсам калийных солей Россия занимает 1-е место в мире, а по подтвержденным запасам – 2-е. Доля российского производства K_2O составляет 13,3% мирового. В 2000 г. на экспорт уже направлялось 77–90% от добычи в стране этих солей, тогда как для внутренних нужд сельского хозяйства использовалось не более 2%. В связи с этим внесение калиевых минеральных удобрений в сельском хозяйстве уменьшилось более чем в 15 раз по сравнению с началом 1990-х гг. и оказалось на уровне всего 1,4 кг на 1 га пашни [20; 21]. Произошло полное падение спроса в стране на калийные соли в связи с беспределным произволом в ценах. Одновременно увеличивается вывоз продукции в страны дальнего зарубежья.

Проводимыми перестройками и реформами нанесен тяжелый, невосполнимый урон **сельскому хозяйству страны**. За последнее 10-летие XX в. машиностроение этого профиля сократилось в 12–15 раз, обновление материально-технической базы уменьшилось в 35 раз [22]. Степень износа основных фондов превысила 70%. Объем инвестиций в АПК упал в 20 раз. Удельный вес сельскохозяйственной отрасли в валовом внутреннем продукте (ВВП) страны сократился в 2 раза.

Площади сельскохозяйственных угодий и пашен снизились на 10%, посевов – до 20%, урожаи – от почти половинных (подсолнечники и сахарная свекла) до 20% по зерну и 1% по картофелю [22]. Наполовину сократилось поголовье крупного рогатого скота (по его количеству Россия вернулась в 1885 г.), в 4,5 раза – овец (что соответствует их поголовью 1750 г.), почти в 3 раза – свиней (1936 г.) [23]. Производство мяса уменьшилось в 5 раз, молока – в 3 раза.

Численность населения в селах сократилась более чем на 1,5 млн чел., покинуто жителями 15% существовавших сел (более 17 тыс.).

В основе подобного состояния сельского хозяйства страны, помимо многочисленных прочих причин, лежит импортная направленность внешнеторговой деятельности в этой сфере. На закупку импорта сельскохозяйственной продукции правительство направляет в 10 раз больше средств, чем на собственное сельское хозяйство. Страна импортирует до 60% мяса и 40% сахара и другой сельскохозяйственной продукции. При этом от 15 до почти 100% продовольственной продукции от проинспектированных объемов бракуется. Для нужд зарубежья удобрения, производимые в стране, экспортируются на 40–50% дешевле, чем продаются внутри России [22]. Считаются выгодными даже многотысячекилометровые импортные поставки. Не случайно, что в мировой иерархии продовольственного потребления Россия переместилась с 7-го места на 43-е [23]. Потребление мяса и мясных продуктов сократилось на 37%, молока и молочных продуктов – на 43%, яиц – на 21%.

Сравнение России с другими странами по продовольственной самообеспеченности показывает резкое отличие от состояния импорта продовольствия в развитых странах. Так, в Италии собственная продукция составляет 78%, в Германии – 93%, во Франции и США – более 100%. Подобная доминирующая зависимость потребностей в продуктах от зарубежных поставок, по А.Ю. Ретеюму, свойственна только развивающимся странам Африки и Азии, которые не способны прокормить собственное население: «Во всех без исключения развитых странах на сельскохозяйственное сырье и продовольствие приходится менее 10% стоимости импорта» [24, с. 79].

Проблемы продовольственной безопасности в немалой степени зависят от состояния **рыбного хозяйства** России. Гигантскими гидростроительными сооружениями, зачастую при нетрадиционной технологии исполнения, существенно подорваны рыбные ресурсы внутренних водоемов. Это также тесно взаимосвязано с резким снижением рыбной продуктивности морей. В результате зарегулирования Днепра, Дона, Волги и других рек были утрачены нерестилища осетровых и других ценных сортов рыб. Вообще чрезмерный пресс добычи животных человеком – главный фактор воздействия антропогенеза на экосистемы. Только объем браконьерского вылова превышает официально регистрируемый улов во внутренних водоемах в 1,5–2,5 раза [25].

При общем естественном воспроизводстве 95 млн т промысловой морской продукции за год современный вылов достиг своего потолка (93,5 млн т). Сокращение численности морских млекопитающих привело к существенному снижению их добычи. Продолжается чрезмерное изъятие промысловых короткоживущих пелагических рыб.

В России в самых продуктивных морях – Азовском, Каспийском и Баренцевом произошло сокращение

запасов и выловов ценных видов рыб в 5–10 раз [26]. Морское рыболовство находится в глубочайшем кризисе. За годы Великой Отечественной войны добыча рыбы в стране сократилась на одну треть, за годы реформ она упала сначала значительно более чем вдвое [27], а потом и на порядок. При продолжении подобной тенденции промысловые виды рыб наших морей неизбежно перейдут в разряд строго охраняемых, как это произошло с белыми медведями, китами, моржами, тюленями и морскими птицами [26].

Если в 1990 г. вылов составлял около 7,5 млн т морепродуктов, то к 2000 г. он был снижен более чем вдвое (около 3,5 млн т). И вместе с тем с 1993 г. рыбное хозяйство страны получило ярко выраженную экспортную направленность, сопровождающуюся острой нехваткой сырья даже для береговых перерабатывающих предприятий страны. Причем более 80% экспорта в общем объеме составляют рыбные товары без сколько-нибудь глубокой переработки исходного сырья. При этом российский экспорт зачастую осуществляется по заниженным ценам [28]. Формальная внешнеторговая деятельность рыбопромышленного комплекса России обеспечивает в качестве валютных поступлений в страну лишь 1,3–1,4 млрд долл. США. Немалая часть этих поставок возвращается к нам в виде обработанной рыбной продукции, но по более высоким ценам.

О масштабах нелегального экспорта морепродуктов во многом можно судить по факту резкого и значительного увеличения уловов во всех крупных странах Азии, за исключением Республики Кореи и, главным образом, Японии, которые уменьшили собственный вылов на более чем 4,7 млн т, что превышает зафиксированный вылов России. При этом потребление рыбопродуктов в этих странах даже возросло. Так что достаточно очевидно: теневой экспорт России превышает как минимум официальный.

И еще одно важное последствие сложившегося соотношения импортно-экспортного потока страны. Импорт рыбных товаров из-за рубежа составляет лишь 40% от соответствующего экспорта. Он в значительной степени покрывает потребность в рыбной продукции европейской части страны, но ее восточные регионы, несмотря на более благоприятные природные ресурсные возможности, становятся все более дефицитными.

Лесохозяйственная промышленность России составляет 2–2,5% ВВП, обеспечивая 3,6% выпускаемой продукции и около 3–4% валютной выручки. Страна стоит на 1-м месте в мире по запасам лесных ресурсов, еще в 1985 г. занимала 2-е место по вывозу древесины и 1-е место по ее экспорту, но к настоящему времени переместилась на 5-е место по заготовке леса [29]. Только за 90-е гг. объем лесных ресурсов снизился до уровня 20-х гг. прошлого столетия, вдвое–трое уступив по этому роду хозяйственной деятельности

не только США, Канаде и Бразилии, но и Индии, Индонезии, Нигерии. Если в царской России лесное хозяйство было одним из самых прибыльных, то особенно с 1997 г. лесной доход страны едва составил половину от бюджетных ассигнований, выделяемых лесному ведомству, выводя отрасль в число крайне убыточных [30].

Потребность в лесной продукции в мире одна из самых высоких, но мировую тенденцию определяет то обстоятельство, что объем лесозаготовок практически равен общему приросту всех сомкнутых лесов, поэтому выигрышные позиции могут занять лишь те страны, которые способны конкурировать на внешнем рынке. Уровень добычи, потенциально обусловленный объемом расчетной лесосеки, фактически едва достигает 20% от обоснованного расчетами, что определяет значительный «недоруб». Одновременно высока доля «переруба» в районах наиболее доступных лесосек, что зачастую принимает формы незаконной деятельности. Резко сократилась переработка первичного лесного сырья – на 30–74%.

Высок уровень экспорта лесной продукции при значительном снижении доходов в федеральную казну [31; 32]. Официальный экспорт леса из России обеспечивает 8% импорта лесной продукции Японии, 40% Финляндии и 60% такой лесной страны, как Швеция. В Европу экспортируется до 12 млн км³ древесины, что примерно равно объему ее незаконного производства.

Весьма характерен ассортимент вывозимой лесной продукции. Его определяет торговля круглым лесом, составляющая 12% мирового товарооборота, но представляющая по России 33,1%, тогда как у наших соседей, Швеции и Финляндии, она не превышает 1–2%. В частности, в Финляндии в структуре экспорта доминируют бумага, картон, фанера, пиломатериалы.

За счет поставок из России процветает реэкспорт лесной продукции стран Восточной и Южной Европы, Прибалтики и Китая (в Японию и Европу), что усиливает позиции наших конкурентов на рынке деревообрабатывающей промышленности. Борьба за рынки сбыта этой продукции уже неоднократно приводила к смене лидеров среди не очень крупных стран: в Юго-Восточной Азии – Филиппин (1960-е гг.), Индонезии (1970-е гг.), Малайзии (1980-е гг.), причем последняя перешла в разряд стран – нетто-импортеров, в Африке – Нигерии – Кот-д'Ивуара – Ганы. Не исключено, что на том же пути могут оказаться и наши наиболее благоприятные для эксплуатации регионы.

Особое положение в системе импорта-экспорта занимает проблема отходов производства и создаваемых на этой базе **вторичных ресурсов**. С одной стороны, это означает возможность рециклирования отходов в новую продукцию исходного типа для промышленного использования. Так, доля вторичного железа,

выплавляемого из металлического лома, достигает в мире до 50% от общего выпуска металла, а таких цветных металлов, как свинец и алюминий, – более одной трети (практически до 40–60% и даже 100% в отдельных развитых странах) [33]. Для поставляющих вторичные металлы государств характерной особенностью является обратная зависимость выпуска вторичной продукции от имеющихся запасов сырья для их первичного производства.

С другой стороны, рост неиспользуемых ресурсов для вторичного потребления означает обострение экологических проблем [34; 35]. Эти ресурсы накапливаются, вплоть до образования крупных технических месторождений, по ряду параметров и масштабам иногда не уступающих первичным месторождениям исходного сырья [36].

В России соотношения импорта-экспорта отходов и вторичных металлов противоположны. К нам ввозится толлинговое сырье, и остаются все конечные отходы его производства [37]. Экспортируется в очень крупных количествах лом черных металлов и еще более крупных – цветных. Учитывая

огромные наживы, посредники умудряются перевести действующую и даже новую высоколиквидную продукцию в «лом» – оборудование и линии связи, механизмы и машины, художественные памятники и даже отечественное вооружение самого разного назначения. Не случайно, что реэкспортерами продукции цветной металлургии становятся страны, не имеющие собственных предприятий этого профиля (в частности прибалтийские), занимающие нередко по экспорту данной продукции первые места в мировой торговле.

Как показывает приведенный анализ динамики состояния ресурсной базы России, важнейшими ее пороками являются разбалансированность структуры соответствующих ресурсных комплексов по всем позициям – обеспеченности запасами, производству сырьевой, полуфабрикатной и конечной продукции, полноте и комплексности использования. Произошло значительное упрощение единых технологических схем в стране в ущерб качеству выпускаемой продукции и эффективности экономики.

Библиографический список

1. Фетисов, А.С. География развития и страноведение / А.С. Фетисов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2002. – №6.
2. Попов, В.В. Проблемы развития и эффективного использования минерально-сырьевой базы России / В.В. Попов, Ю.Г. Сазонов. – М., 2003.
3. Бойцов, А.В. Новости мировой урановой промышленности / А.В. Бойцов, А.В. Тарханов // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. – 1999. – №2.
4. Орлов, В.П. Основные проблемы природно-ресурсного законодательства России / В.П. Орлов // Геология и минеральные ресурсы Центральной Сибири. – Красноярск, 2004. – Вып. 5.
5. Гальянов, А.В. Сколько железа нужно человечеству? / А.В. Гальянов // Наука. Общество. Человек. Вестник УрО РАН. – 2003. – №3.
6. Быховский, Л.З. Освоение сырьевой базы титана – актуальная задача горной промышленности / Л.З. Быховский, Л.П. Тигунов, Л.Б. Зубков // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. – 2001. – №4.
7. Павловский, А.Б. Минерально-сырьевая база олова России: состояние и перспективы / А.Б. Павловский, А.М. Лаптева // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. – 2002. – №6.
8. Комин, М.Ф. Материально-сырьевая база редких металлов России: проблемы и решения / М.Ф. Комин, Т.Ю. Усова // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. – 2003. – №3.
9. Гончаров, В.Г. Золотодобывающая промышленность России. Итоги 2001 г. / В.Г. Гончаров // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. – 2001. – №12.
10. Беневольский, Б.И. Минерально-сырьевая база золота России на рубеже XXI в. / Б.И. Беневольский, В.Н. Иванов // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. – 1999. – №1.
11. Мигачев, И.Ф. Состояние, перспективы использования и развития минерально-сырьевой базы алмазов, благородных и цветных металлов мира и России / И.Ф. Мигачев, Б.И. Беневольский, Б.К. Михайлов // Руды и металлы. – 2002. – №3.
12. Ведерников, Н.Н. Социально-экономическая значимость и пути развития минерально-сырьевой базы нерудных полезных ископаемых / Н.Н. Ведерников, Е.М. Аксенов // Разведка и охрана недр. – 2003. – №3.
13. Горбачев, Б.Ф. Сырьевая база каолинового сырья и перспективы ее развития / Б.Ф. Горбачев, Н.С. Чуприна // Разведка и охрана недр. – 2003. – №3.
14. Ведерников, Н.Н. Неметаллическое сырье: минерально-сырьевая база, проблемы и пути развития / Н.Н. Ведерников, Е.М. Аксенов, Р.Ф. Вафин, Н.С. Чуприна, Л.П. Русина // Руды и металлы. – 2002. – №3.
15. Дистанов, У.Г. Минерально-сырьевой потенциал природных адсорбентов / У.Г. Дистанов, И.И. Зайнуллин, Т.П. Конохова, А.А. Сабитов // Разведка и охрана недр. – 2003. – №3.
16. Чуприна, Н.С. Конъюнктура рынка агрохимического сырья / Н.С. Чуприна, Р.М. Файзуллин, Ю.В. Баталин, В.В. Рябикин // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. – 1998. – №1.
17. Еганов, Э.А. Каратауский фосфоритоносный бассейн – универсализация модели фосфоритообразования / Э.А. Еганов, С.А. Киперман, А.С. Соколов // Отечественная геология. – 2000. – №2.
18. Аксенов, Е.М. Агрохимическое и горнорудное сырье на рубеже XXI в. / Е.М. Аксенов, Н.Н. Ведерников, Н.С. Чуприна, В.В. Рябикин // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. – 2000. – №5–6.
19. Файзуллин, Р.М. Фосфатно-сырьевая база России: состояние, перспективы развития и освоения / Р.М. Файзуллин, М.И. Карпова, Р.З. Фархутдинов, И.С. Садыков,

- В.А. Зеленихин, В.И. Поклонов // Разведка и охрана недр. – 2003. – №3.
20. Баталин, Ю.В. Минерально-сырьевая база калийных удобрений России / Ю.В. Баталин, Н.Н. Ведерников, А.К. Вишняков, В.Г. Чайкин // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. – 1999. – №4.
21. Баталин, Ю.В. Развитие минерально-сырьевой базы калийных солей / Ю.В. Баталин, А.К. Вишняков, В.Г. Чайкин // Разведка и охрана недр. – 2003. – №3.
22. Кривцов, А.И. Проблемы национальной минерально-сырьевой безопасности / А.И. Кривцов, Б.И. Беневольский, И.Ф. Мигачев // Отечественная геология. – 2001. – №1.
23. Пурто, Е.Е. Село: игра на выживание / Е.Е. Пурто, А.Г. Данилов // ЭКОС. – 2004, зима.
24. Ретеюм, А.Ю. Двенадцать лет из жизни страны / А.Ю. Ретеюм. – М., 2004.
25. Кулагина, Г.Д. Природопользование современной России в зеркале статистики (опыт ретроспективного анализа) / Г.Д. Кулагина, А.Д. Думнов // Россия в окружающем мире: 2000. Аналитический ежегодник. – М., 2000.
26. Матишов, Г.Г. Динамика экосистем и биоресурсов европейских морей России / Г.Г. Матишов, В.В. Денисов, А.Д. Чинарина, Е.Э. Кириллова // Известия РАН. Сер. геогр. – 2000. – №6.
27. Мокиевский, В.О. Что означают для России ее морские биологические ресурсы / В.О. Мокиевский, В.А. Спиридонов // Россия в окружающем мире: 1999. Аналитический ежегодник. – М., 1999.
28. Бобылов, Ю.А. Продовольственная безопасность России и ресурсы рыбного хозяйства страны / Ю.А. Бобылов // Использование и охрана природных ресурсов в России. – 2004. – №6.
29. Чуенков, В.С. Лесные богатства России / В.С. Чуенков // Россия в окружающем мире: 1999. Аналитический ежегодник. – М., 1999.
30. Чеха, В.П. Ландшафтная характеристика и природные ресурсы Красноярского края / В.П. Чеха, Н.Я. Шапорев. – Красноярск, 2004.
31. Глазырина, И.П. Экспорт лесных ресурсов в контексте концепции «Экологическая кривая Кузнецца» / И.П. Глазырина, В.С. Брезгин // География и природные ресурсы. – 2003. – №2.
32. Шутов, И.В. Преодолеть синдром распада / И.В. Шутов // Использование и охрана природных ресурсов в России. – 2005. – №1.
33. Люри, Д.И. Развитие ресурсопользования или экологические кризисы, или Зачем нужны нам экологические кризисы? / Д.И. Люри. – М., 1997.
34. Боков, В.Г. Проблемы освоения техногенных минерально-сырьевых ресурсов России / В.Г. Боков, В.Н. Лазарев // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. – 2000. – №5–6.
35. Воробьев, А.Е. Концепция воспроизводства минеральных ресурсов в литосфере / А.Е. Воробьев, К.Г. Каргинов // Экология и промышленность России. – 2001, февр.
36. Додин, Д.А. Платина России: взгляд в XXI век / Д.А. Додин, О.И. Чередникова, Н.М. Чернышов, Э.А. Ланда, Г.В. Поляков // Разведка и охрана недр. – 2000. – №12.
37. Лузгин, Б.Н. Толлинговый крен минерально-сырьевой экономики России / Б.Н. Лузгин // География и природные ресурсы. – 2005. – №4.
38. Грейнер, Н.Н. Перспективы рационального использования ресурсного потенциала топливно-энергетического сырья / Н.Н. Грейнер, В.Л. Заверткин, Л.М. Прокопьева // Разведка и охрана недр. – 2002. – №6–7.
39. Белонин, М.Д. Состояние и геолого-экономические оценки нефтяных ресурсов мира и России / М.Д. Белонин, В.И. Назаров // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. – 2001. – №5.
40. Григорьев, Ал. А. Глобальные природные ресурсы / Ал. А. Григорьев, К.Я. Кондратьев // Известия РГО. – 1998. – Вып. 1.
41. Хлебопрос, Р.Г. Природа и общество: модели катастроф / Р.Г. Хлебопрос, А.И. Фет. – Новосибирск, 1999.
42. Голивкин, Н.И. Железные руды / Н.И. Голивкин, Н.Ю. Шапошникова, Д.М. Ефремов, С.Я. Медведовский // Разведка и охрана недр. – 2001. – №11–12.
43. Короленко, Н.В. Титан / Н.В. Короленко // Разведка и охрана недр. – 2001. – №11–12.
44. Новиков, А.А. Перспективы развития горнодобывающих подотраслей металлургии / А.А. Новиков, И.Я. Ястржимский, Ю.Л. Благутин // Отечественная геология. – 2002. – №2.
45. Николаев, В.И. Хромовые руды / В.И. Николаев // Разведка и охрана недр. – 2001. – №11–12.
46. Покалов, В.Т. Черные металлы: состояние минерально-сырьевой базы и перспективы ее развития / В.Т. Покалов, Б.К. Михайлов // Руды и металлы. – 2002. – №3.
47. Попов, В.В. Железородная база России / В.В. Попов // Отечественная геология. – 2000. – №1.
48. Смирнов, Л.А. Марганец России: проблемы и пути их решения / Л.А. Смирнов, Л.П. Тигунов // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. – 2002. – №1–2.
49. Шарков, А.А. Марганцевые руды / А.А. Шарков // Разведка и охрана недр. – 2001. – №11–12.
50. Воробьев, В.И. Прогноз использования минерально-сырьевой базы тяжелых цветных металлов России: состояние и перспективы / В.И. Воробьев // Руды и металлы. – 1999. – №3.
51. Нежинский, И.А. Сравнительный стоимостной анализ минерально-сырьевой базы мира / И.А. Нежинский, Ю.В. Богданов // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. – 2002. – №5.
52. Положение с алюминием в мире и в США // Геологическое изучение недр и водопользование. Экспресс-информация ООО «Геоинформцентр». – 2002. – Вып. 12.
53. Радько, В.В. Состояние сырьевой базы алюминиевой промышленности России / В.В. Радько // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. – 1996. – №4.
54. Ставский, А.П. О рейтинге стран-производителей твердых видов минерального сырья / А.П. Ставский // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. – 1998. – №2.
55. Федорчук, В.П. Много ли у России минеральных ресурсов? / В.П. Федорчук. – М., 1999.